

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 2

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2013

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук*

“НАУКА”

К 90-летию со дня рождения А.А. Зиновьева

- Коллективный портрет Александра Зиновьева. На вопросы анкеты отвечают:
В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский, В.М. Межуев, В.М. Толстых.
Подготовил О.Г. Назаров..... 3
- О.М. Зиновьева** – От “Философских проблем многозначной логики” до “Зияющих
высот” 17

Философия, культура, общество

- Н.И. Губанов, Н.Н. Губанов** – Менталитет: сущность и функционирование
в обществе 22
- Р.Н. Дождикова** – К вопросу об аксиологических основаниях обыденного
познания..... 33
- К.А. Юдин** – Человечество в пути: от “цивилизации бытия” к “цивилизации
становления” (размышления о природе коммунистической власти и общества) 42
- А.П. Романова, С.Н. Якушенко** – Чужой как объективная реальность, данная нам
в ощущениях и размышлениях..... 49
- М.А. Блюменкранц** – Между министерством Правды и министерством Любви..... 56

Философия и наука

- С.Д. Хайтун** – Трактровка энтропии как меры беспорядка и ее негативное воздействие
на современную научную картину мира 62

М.Т. Степанянц – Расширяя горизонты философии и науки.....	75
О.А. Власова – Феноменология Карла Ясперса: гистология и рентгеноскопия души.....	89

Из истории отечественной философской мысли

М.И. Дегтярева – Александр Стурдза: консервативный реформизм и критика католической доктрины Жозефа де Местра	101
А.А. Ермичёв – Дискуссия о целях Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества осени 1908 г. и ее завершение в феврале 1917 г.....	114
Лян Кунь – Идейные основания культа женственности в русской культурной традиции	128

История философии

В.В. Емельянов – Антропологический поворот в науках о Древнем Востоке (на примере ассириологии).....	136
Н.А. Блохина – Двухаспектный аргумент в отстаивании дуализма свойств Дэвида Чалмерса.....	148
М.Ю. Торопыгина – Начало прекрасной дружбы – Аби Варбург и Эрнст Кассирер....	158

Критика и библиография

В.Г. Щукин – М.С. Киселева. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености.....	170
Е.В. Бессчётнова – О.Л. Фетисенко. Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики	176
А.Н. Рылёва – Данте: pro et contra	179
В.К. Кантор – Дебора Мартинсен. Настигнутые стыдом	183
Международный научный семинар “Философия – образование – общество”	188
Наши авторы.....	190

**Председатель Международного редакционного совета –
Лекторский Владислав Александрович**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Э. Агацци (Италия), **Ань Цинянь** (Китай), **А.А. Гусейнов** (Россия),
В.П. Зинченко (Россия), **А.Ф. Зотов** (Россия), **А.Н. Нысанбаев** (Казахстан),
А.П. Огурцов (Россия), **Т.И. Ойзерман** (Россия), **М.В. Попович** (Украина),
В.Н. Садовский (Россия), **В.С. Степин** (Россия), **Ю. Хабермас** (Германия),
Р. Харре (Великобритания)

Главный редактор – Пружинин Борис Исаевич

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

П.П. Гайденок, **А.А. Гусейнов**, **В.К. Кантор**, **В.А. Лекторский**, **В.Л. Макаров**,
В.В. Миронов, **Н.В. Мотрошилова**, **И.С. Разумовский** (ответственный секретарь),
А.М. Руткевич, **Ю.Н. Солонин**, **В.С. Степин**,
Н.Н. Трубникова (заместитель главного редактора), **Т.В. Черниговская**
Сайт журнала – <http://www.vphil.ru>

пишет: “Обе веры – в Бога (в откровенную истину: *documenta spiritualia, quae humanam rationem transcendent*) и в знание (*philosophica documenta*) иерархически надстраиваются у него друг над другом и гармонически сочетаются, исполняя каждая свою особенную функцию, первая – абсолютную, вторая – относительную” (с. 358). Но есть и другое общее начало, проникающее все мирозерцание Данте, – любовь: “Такая непрерывная линия развития любви (служение Беатриче, сливающееся с служением Богу, блаженство земное, переходящее в небесное) в жизни единой личности Данте, знаменующей человечество, опять же символизирует его высшее убеждение, вынесенное из всего пережитого опыта, познания и веры, что любовь – есть верховное космическое начало, движущее вселенную, и что Бог, в его основной сущности – есть любовь” (с. 359). Гревс подчеркивает, что человек, пока живет, должен постоянно воплощаться в дело. Это и есть назначение человека и человечества – выявить всю совокупность вложенной в человечество способности творческого познания, а это и есть цель человеческой культуры. Но пробуждает и поддерживает такую работу любовь, и именно деятельная любовь к другим.

С мировоззрением Данте связаны размышления Н.А. Бердяева об отношении к человеку у Данте, Шекспира и Достоевского (фрагмент из “Философии творчества, культуры и искусства”, с. 399) и О.Д. Форш (“О Прекрасной Даме”, с. 221).

Нам представляется, что наиболее яркой статьей о поэзии Данте и энергии красочных эпитетов является статья О.Э. Мандельштама «Разговор о Данте» (с. 242), а также статья

В.Л. Рабиновича “Божественная комедия” и миф о философском камне» (с. 764).

По словам О. Мандельштама, “Чтение Данте есть прежде всего бесконечный труд...” (с. 245). Парадоксальны его идеи, что “*Divina Commedia* не столько отнимает у читателя время, сколько наращивает его...” (с. 252) и что “Будущее дантовского комментария принадлежит естественным наукам, когда они для этого достаточно изощрятся и разовьют свое образное мышление” (с. 256).

В.Л. Рабинович пишет об алхимии цвета, как об обретении двойственного бытия вместо однобытийственного. Для него Данте обладает даром “светового слова”, и рассматривает этот дар как симптом нового мироощущения.

О времени, которое создается “борьбой живого исторического времени с вневременной потусторонней идеальностью”, размышляет М.М. Бахтин (с. 416).

Собственно о Данте и его времени, истории создания комедии пишут М.Л. Лозинский, Г.П. Федотов, П.П. Муратов, А.Н. Веселовский, А.Л. Доброхотов.

Украшает сборник целый блок статей, посвященных исследованиям о проникновении Данте в русскую культуру. Кроме названных выше, это статьи: И.Н. Голенищев-Кутузов (“Данте и мировая культура”), А.А. Асоян (фрагменты из “Почтите высочайшего поэта...”).

В заключение хочется отметить, что выход такого сборника представляется нам уникальным явлением современной культуры, перевешивающий многие *контра*.

А.Н. Рылёва

Дебора МАРТИНСЕН. Настигнутые стыдом. М.: РГГУ, 2011, 328 с.

Нет, пожалуй, культуры, где не читался бы, не исследовался бы Достоевский. И каждая дает свою трактовку наследия великого писателя, исходя, разумеется, из его текстов. Перед нами книга, в которой очевиден подход, рожденный американской культурой, где четко расставлены приоритеты, где мало возможна двусмысленность поступка, двусмысленность моральной оценки, где укор, моральное осуждение доводит человека до чувства непереносимого стыда, что должно вернуть его в лоно цивилизованного сообщества. Именно этот ракурс по отношению к Достоевскому и выбрала американская исследовательница¹, он-то и дает не-

привычный для нас поворот мысли, освежающий наше восприятие Достоевского.

Исследование строится, если воспользоваться модным термином, на концепте *стыда*. К этому есть основания. Действительно, понятие “стыда” играет немалую роль в понимании русским писателем мироустройства. Словечки “стыдно”, “бесстыдный”, “давайте ничего не стыдиться” и пр. буквально пронизывают его тексты. Вл. Соловьев, мыслитель, повлиявший на Достоевского, полагал, что именно стыд отличает человека от животного, и писал о связи стыда с проблемой сексуальной: “Есть одно чув-

¹ Надо сказать, что последние годы русский читатель получил не одну книгу исследований о Достоевском англо-американских исследователей. Достаточно назвать такие книги, как: *Бэллен Роберт Л.* Структура “Братьев Карамазовых”. СПб: Академический проект,

1997; *он же.* Генезис романа “Братья Карамазовы”. СПб: Академический проект, 2003; *Джексон Роберт Луис.* Искусство Достоевского. Бреды и ноктюрны. М.: Радикс, 1998; *Толпсон Д.Э.* “Братья Карамазовы” и поэтика памяти. СПб: Академический проект, 2000, и др.

ство, которое не служит никакой общественной пользе, совершенно отсутствует у самых высших животных и однако же ясно обнаруживается у самых низших человеческих рас. В силу этого чувства самый дикий и неразвитый человек *стыдится*, т.е. признает *недолжным* и скрывает такой физиологический акт, который не только удовлетворяет его собственному влечению и потребности, но сверх того полезен и необходим для поддержания рода. В прямой связи с этим находится и нежелание оставаться в природной нагоде, побуждающее к изобретению *одежды*. <...> Этот нравственный факт резче всего отличает человека от всех других животных, у которых мы не находим ни малейшего намека на что-нибудь подобное². Все это было проиграно в человеческой культуре, начиная с истории Адама и Евы, когда они устыдились своей наготы. А как мы знаем, в девятнадцатом столетии в русской литературе именно Достоевский больше кого бы то ни было писал о сексуальной любви, разнообразных перверсиях (содомия, педофилия), у которого главный герой “Бесов” (Ставрогин) патологический распутник, а тема сладострастия заявлена как главная характеристика семейки Карамазовых.

Исследовательница вполне отчетливо показывает связь творчества Достоевского с коренными библейскими мифами: “Достоевский шокирует читателей, намекая, что мы все такие же, как Федор Карамазов. Эта мысль нарушает наше ощущение твердой уверенности в своем “я”, дезориентирует нас, заставляя смутиться, усомниться в себе. Я утверждаю, что в этом и состоит цель Достоевского: застичь читателя стыдом, показать ему стыд как наследие, доставшееся после грехопадения всем людям: и нам, и Федору Карамазову, и всем героям Достоевского. Бесстыдный эксгибиционизм агрессивно переходит межсубъектные границы между персонажами и разрушает их, и точно так же он разрушает границы между героями, читателями и текстом” (с. 26).

Бесстыдство по ту сторону добра и зла. В том числе и на Земле. “Автор “Дневника” поражается господам, ведущим напыщенные, но невежественные разговоры. Он порицает это проявление бесстыдства, которое может даже заставить отчаяться в будущем России. Автор “Дневника” приписывает такое бесстыдство отсутствию совести” (с. 64). Отсюда шаг к рассказу “Бобок”, где герои кричат: “Давайте ничего не стыдиться!”. И далее “заголяются и обнажаются” во всем своем безобразии. Но как совместить это с советом Зосимы старику Карамазову: “Зосима

советует Федору Павловичу не лгать и, что еще более важно, не стыдиться себя. Зосима показывает, как уйти от лжи – с помощью самоуважения. Как показывает история самого Зосимы, человек должен преодолеть чувствительность к стыду, чтобы ощутить себя частью всего человечества” (с. 63).

Но старик Карамазов себя нисколько не стыдится.

То есть, если человек стыдится себя, он начинает врать, чтобы себя возвысить. Если он не стыдится, он может перестать врать. Есть другая сторона, предел падения, когда человек не стыдится и становится ужасом. “Я правду о тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи”, – говорит один из героев Грибоедова (“Горе от ума”). Но герой Достоевского, как правило, заголяется и обнажается. Вываливает наружу всю свою мерзость. И возникает простая диалектика или, если угодно более современное слово, амбивалентность. После грехопадения человек живет с чувством стыда. Пока это чувство у него есть, он остается живущим на Земле человеком. Можно сказать спасибо американской исследовательнице, увидевшей эту важнейшую и ранее не поднимаемую проблему и донесшей до нас свою мысль.

Стоит остановиться на трактовке столкновения Ивана с чертом.

Об этом написано весьма немало. Автор книги выдвигает свою версию, где есть и то, что, на мой взгляд, лежит в русле привычных позитивистских и советских объяснений, и то, что добавляет новые штрихи к концепции автора о стыде у Достоевского. Начну с моего несогласия. Д. Мартинсен пишет, что “черт – продукт творческого бессознательного Ивана” (с. 276), что “черт – продукт большой души Ивана” (с. 277). Как кстати тут пришлась идея бессознательного у Фрейда! Но дело в том, что сам Достоевский назвал главу: “Черт. Кошмар Ивана Федоровича”. Тем самым, как сам не раз писал, уходя от обвинений в клерикализме, мол, в черта верит. А вот кошмар, болезнь возможные в позитивистском мире. Черту важно, чтобы Иван считал его кошмаром, тогда он в безопасности от христианского нападения – знака креста или молитвы. Как сказано в “Братьях Карамазовых”, сердце человека – это место, “где дьявол с Богом борется”. Это для Достоевского серьезное высказывание, он вполне всерьез принимал, как верующий человек, борьбу Бога и дьявола. Поэтому если для него реален Бог, то не менее реален и черт. Не забудем, что любимой его книгой была “Книга Иова”, где Бог одает праведника в жертву сатане, испытует его. Так что черт, явившийся Ивану, вполне реален. Но остановимся на важном замечании автора, что черт – воплощение “постыдных сторон” Ивана, что “черт ведет себя

² Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия / Соловьев В.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 8. СПб.: Товарищество “Просвещение”, [1911–1913]. С. 50–51.

так, словно он совесть Ивана” (с. 276). Конечно, именно в этом и состоит задача злого духа, чтобы принизить человека. Превратить его в голядку, устыдить, застыдить, заставить поверить, что он злодей. А тем самым оторвать от Бога. Он использует стыд как *дьявольское оружие*. Если человек устыдится себя, он повисает над пропастью. И далее шаг в одну сторону – найти в себе, благодаря стыду, человеческое начало, “человека в человеке”, другой шаг – перестать стыдиться себя и впасть в духовный разврат. Автор пишет: “Библейский миф о райском саде показывает, что стыд действует парадоксальным образом: он нарушает цельность личности и одновременно защищает ее. В своей положительной функции (тактичность-стыд) он связан с познанием добра и зла; он нормативен, так как определяет общественные нормы, правила и цели. Таким образом, он отражает и поддерживает личный и общественный порядок в мире. С другой стороны, в своей отрицательной функции (бесчестье-стыд) он связан с познанием своего я. Бесчестье-стыд – это болезненно переживаемый распад мира, отражающий надлом в отношениях “я” или с самим собой или с другими, или и с самим собой и с другими вместе. И тактичность-стыд, и бесчестье-стыд включают в себя познание и самооценку” (с. 32).

Как писал Вл. Соловьев: “Важно здесь не столько то, что человек вообще *стыдится*, сколько то, *чего* он стыдится. Обладая этой способностью стыда, не замечаемую у других животных, человек мог бы быть определен, как животное *стыдящееся*. Это определение, лучшее многих других, не отмечало бы, однако, в человеке носителя особого мира, или нового порядка бытия. Но тот факт, что человек прежде и больше всего стыдится именно самой сущности животной жизни, или главного и высшего проявления природного бытия, прямо показывает его как существо сверхживотное и сверхприродное. Таким образом, в *этом* стыде человек становится человеком в полном смысле”³. Только на том свете нет стыда. Либо в раю, где нечего стыдиться, либо в аду, где стыд забыт, отброшен, как в рассказе Достоевского “Бобок”. Пока человек жив, он не может не испытывать стыда за себя или за другого, это и обостряет его восприятие мира, делает человеком. Как пишет Дебора Мартинсен, “Достоевский создает сцены стыда, которые застигают читателей врасплох и тем самым приковывают к себе. Он обостряет наше сознание собственного “я” – одновременно заставляя нас переживать происходящее нутром и

электризуя наш интеллект. Заставляя непосредственно ощутить, каково нам жить после грехопадения, Достоевский создает для своих читателей ощущение принадлежности к сообществу людей” (с. 280). И здесь неприемлемо никакое самолюбование.

Очень интересна авторская находка металитературной игры Достоевского, придающего некоторые черты Льва Толстого капитану Лебядкину, шутовскому и по-своему трагическому персонажу “Бесов”: Лебядкин “начинает свое письмо к Лизе с предложением руки и сердца, называя безрукость признаком отгаки: “Милостивая государыня! Всех более жалею себя, что в Севастополе не лишился руки для славы, не быв там вовсе”. Хотя самозванец-капитан говорит о военном контексте, в котором отсутствие конечностей означает храбрость и честь, Достоевский ведет металитературную игру, напоминая <...> о “Севастопольских рассказах” и о “Воине и мире” Толстого, где капитан Тушин потерял руку в сражениях с Наполеоном” (с. 245). К этому можно добавить и еще пару деталей внутренней полемики Достоевского со своим литературным соперником. Фраза Лебядкина “всех более жалею себя” явно перекликается с желающим славы Олениным, героем толстовских “Казачков”, который, как писал Толстой, “любил себя, да и не мог не любить”. Похожие фразы можно найти и в обрисовке образа Николая Ростова. А также тот факт, что черт в “Братьях Карамазовых” вспоминает Льва Толстого, когда говорит о мощи человеческой (и писательской) фантазии: “Слушай: в снах, и особенно в кошмарах, ну, там от расстройства желудка или чего-нибудь, иногда видит человек такие художественные сны, такую сложную и реальную действительность, такие события или даже целый мир событий, связанный такою интригой, с такими неожиданными подробностями, начиная с высших ваших проявлений до последней пуговицы на манишке, что, клянусь тебе, Лев Толстой не сочинит, а между тем видят такие сны иной раз вовсе не сочинители, совсем самые заурядные люди, чиновники, фельетонисты, попы...” Неслучайно, думаю, писатель дал имя Лев Николаевич праведнику князю Мышкину, своим недеянием и духовной импотенцией разбудившему злое начало в Рогожине, тем самым погубившему Настасью Филипповну. Так что Владимир Соловьев, который в “Трех разговорах” писал о Льве Толстом как предшественнике антихриста, опирался, в том числе, и на интуиции Достоевского.

Однако не все литературные находки автора представляются справедливыми. Интересно, но все же немного сомнительно, что фамилия “Лебядкин” – парафраза державинского стихотворения “Лебедь” (с. 253), пусть капитан и цитирует без конца Державина. Еще менее похоже

³ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия / Соловьев В.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 8. СПб.: Товарищество “Просвещение”, [1911–1913]. С. 166.

происхождение этой фамилии из мифа об Орфее (хотя Лебядкин, конечно, поэт, из творчества которого родилось течение обернутов), где Орфей выступает в образе лебеда. Фамилия Лебядкин созвучна, разумеется, первому полубезумному герою Достоевского – Голядкину из “Двойника”. Слово “голядка” не раз звучит в романах Достоевского, даже в его последнем романе. Добавлю, что вообще тема капитана как постоянного героя русской литературы еще никем даже не поставлена.

Весьма любопытно и немного рискованно, но, кажется, оправданно сравнение старика Карамазова с императором Павлом. “Призрак Павла преследовал Достоевского в юности. Инженерное училище, в котором учился Достоевский, размещалось в Михайловском замке, где убили Павла. Из мемуаров известно, что в здании жил человек, еще помнивший то время и рассказывавший разные истории, в том числе о той ночи, когда был убит Павел. <...> Более того, когда Достоевский жил в том месте, где произошло царевубийство, убили отца самого писателя. Поэтому в отчество Федора Карамазова Достоевский включает целую традицию отцеубийства/царевубийства” (с. 84). Стыд за отца, который испытывают братья Карамазовы, и впрямь сравним со стыдом, который испытывала просвещенная Россия, наблюдая за безумными поступками императора Павла. Испытывал этот стыд и его сын, будущий император Александр, давший некое позволение убийцам отца, как дал такое же Смердякову Иван Карамазов.

Интересна диалектика стыда и вины, о которой пишет автор: “Муки Раскольниковы являются собой пример динамики стыда и вины и одновременно проясняют ее. В его случае вина и стыд переплетаются. Он виновен в убийстве. <...> Динамика стыда менее явная. <...> Собственное преступление заставляет его всмотреться в самого себя и признать, как бы больно это ни было, что все его теории о преступлениях скрывали под собой его ощущение бессилия и незначительности. Его идеи маскировали реальность его нищеты и немощности. <...> Когда сон о трихинах открывает ему, что его теория была разрушительным покровом для его стыда, он видит в преступлении этическое зло и может раскаяться. Стыд понуждает его к интроспекции и к приятию ответственности за свои поступки” (с. 39). Я бы к этому рассуждению добавил, что Достоевский угадал, как идеи-трихины как раз и овладели миллионами бессильных и немощных жителей той или иной страны, погружая их в кровавый кошмар бунтов и революций, превращая их в расстрельщиков, палачей и охранников концлагерей. В результате возник феномен толпы, следующей за фюрером, в которой каждый

тоже ощущает себя фюрером над остальными, хозяином жизни и смерти людей.

Не менее важно и наблюдение о роли библейских эпитафий в романах Достоевского. Дебора Мартинсен замечает (и с этим нельзя не согласиться): “Эпитафьи из Библии призваны сформировать читательское восприятие романских событий, а персонажи, которые знают, цитируют или правильно понимают Евангелие, обладают особым нравственным статусом” (с. 163). Именно это позволяет исследовательнице иначе увидеть образ Степана Трофимовича Верховенского, которого обычно ругают православно-славянофильские (а раньше ругали советские) достоеведы, как безусловного либерала и западника, словно не замечавшие, что он единственный, кто выступил против бесов в защиту вечных ценностей. Достоевский, пишет автор, “демонстрирует нравственный прогресс Степана, показывая, как он переходит <...> к тонкому толкованию эпитафьи к роману (Лк. 8: 32–36). <...> Исповедуясь, Степан Верховенский признает и преодолевает свой стыд, тем самым являя собой положительную модель для авторской аудитории Достоевского” (с. 163–164). Со времен Августина, которого хорошо знал писатель, исповедь – это установление вертикали, открытие себя Богу, а через Бога всему миру. Поэтому “в конце романа Степан Верховенский выходит из своего самовлюбленного самоудинения, проповедует всеобщую ответственность и прощение и принимает Бога” (с. 162).

Очень любопытно сравнение эпохи Великих реформ с эпохой Смутного времени (характерного для времени Достоевского). Автор книги напоминает, что Ставрогин является для других персонажей как некий самозванец. Иван-Царевич для Петра Степановича, Гришка Отрепьев для его жены Марии Лебядкиной, соблазнитель Лизы Тушиной, барышни с говорящей фамилией, словно предназначенной тушинскому вору. Но исследовательница видит в его бытовых злодействах и символический антихристианский смысл: “Ставрогин фигурально оскверняет иконы, буквально оскверняя трех Марий. Он насилует несовершеннолетнюю Матрешу, прелюбодействует с Мари Шатовой и женится на Марье Лебядкиной (она простолоудинка, как и Марина Мнишек, жена первого Лжедмитрия)” (с. 237). Одно здесь досадно. Боюсь, что явная ошибка, заметная русскому читателю (Марина Мнишек – отнюдь не простолоудинка, а дочь польского магната, воеводы Сандомирского), – результат отсутствия литературного редактора, да и простого редактора. Описки и ошибки возможны у каждого человека. В любом случае это недосмотр редакции. Видя тонкое знание автором деталей русской истории, обидно, что издательство пропустило такую неточность.

Два слова о переводе. К сожалению, интереснейшая книга переведена не лучшим образом. Согласования слов в предложениях часто нерусские. Примеры видны и в приводимых цитатах, но укажу на явное: “Анализ *прозаики* (вместо *прозы* – В.К.) в “Дневнике писателя”» (с. 327). Или – о Степане Трофимовиче: он “принимает ответственность за *наследие* своего эгоизма” (курсив мой. – В.К.; с. 174). Совершенно ясно, что должно быть слово *последствия*. В книге не указан переводчик, есть только сноски на некоторых страницах – *Прим. пер.* Значит, переводчик имелся, но это не снимает вины с издательства, которое должно бы было предоставить редактора.

Имеет смысл закончить рецензию фразой, по сути дела резюмирующей позицию Деборы Мартинсен: “Подобно Данте, Достоевский полагает, что поступать правильно с общественно-политической точки зрения значит быть в правильных отношениях с Богом. Достоевский предлагает помочь читателям вернуться в Эдемский сад, изменяя наш взгляд на мир. Снимая покровы со стыда, Достоевский вовлекает нас в болезненное переживание разоблачения и смущения, которые могут привести к спасению личности и общества” (с. 36). А стать и быть человеком и вправду дело трудное.

В.К. Кантор

CONTENTS

Collective Portrait of Aleksandr Zinovyev. By V.S. STEPIN, A.A. GUSEINOV, V.A. LEKTORSKY, V.M. MEZHUEV, V.M. TOLSTYCH. O.M. ZINOVYEVA. From "Philosophical Problems of the Polyvalential Logic" to "The Yawning Heights". N.I. GUBANOV. N. N. GUBANOV. Mentality: the Nature and Functioning in Society. R.N. DOZHDIKOVA. On the Axiological Basis of Everyday Cognition. K.A. YUDIN. Humanity on the Way: from "Civilization of Being" to "Civilization of Becoming". A. P. ROMANOVA, S.N. YAKUSHENKOV. Alien as Objective Reality given to Us in Sensations and Thoughts. M. BLUMENKRANTS. Between Ministry of Truth and Ministry of Love. S.D. KHAITUN. Interpretation of Entropy as a Measure of Disorder and its Influence on Modern Picture of the World. M.T. STEPANYANTS. Expanding the Horizons of Philosophy and Science. O.A. VLASOVA. Phenomenology of Karl Jaspers: Histology and Fluoroscopy of the Soul. M.I. DEGTYAREVA. Alexander Sturdza: Conservative Reformism and Criticism of the Catholic Doctrine of Joseph de Maistre. V.I. KOTSUBA. Archpriest F.A. Golubinski and Sophiological Tradition. A.A. ERMICHYOV. The Debate about the Goals of St.-Petersburg Religious-Philosophical Society in Autumn 1908 and its Completion in February 1917. LIANG KUN. Ideological Foundation of the Cult of Femininity in Russian Cultural Tradition. V.V. EMELYANOV. Anthropological Turn in the Sciences of the Ancient East (on Example of Assyriology). N. A. BLOKHINA. Two-Pronged Argument in Defending Property Dualism by David Chalmers. M. Yu. TOROPYGINA. Beginning of Beautiful Friendship: Aby Warburg and Ernst Cassirer. BOOK REVIEWS.

Сдано в набор 13.11.2012	Подписано к печати 22.01.2013	Формат 70 × 100 ^{1/16}		
Офсетная печать	Усл. печ.л. 15.6	Усл.кр.-отт. 13.2 тыс.	Уч.-изд.л. 18.9	Бум.л. 6.0
	Тираж 836 экз.	Зак. 894		

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука", 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119049 Москва, ГСП-1, Мароновский пер., 26

Телефон 8 (499) 230-79-56

Оригинал-макет подготовлен АИЦ "Наука" РАН

Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6